

Радонежского, которые имеют аналогичную вязкую структуру плетения и такую же расцветку фона голубой краской, а не голубой и зеленой, как расцветка фона заставки Стихираря. Это бросает косвенный свет на большую причастность ранних никоновских рукописей именно к серпуховскому Высоцкому монастырю и на меньшую — к Троице-Сергиеву.

Возможно, из Высоцкого монастыря происходит еще одна рукопись — пергаменный Паримейник второй половины XIV в. (ГБЛ, ф. 256, Рум., № 303).⁹⁹ В XVII столетии, как указывает надпись на одном из его листов, он принадлежал Пречистой Богородице на Высоком. И эта рукопись, как и предыдущая, тоже отличается хорошим качеством. Она имеет одну заставку и много инициалов тератологического стиля в красках. С Пандектами Никона Черногорца 1381 г. ее родниг, между прочим, то, что в обеих рукописях инициалы нарисованы по предварительным наброскам, делавшимся светло-серой кистью (в Паримейнике) или свинцовым карандашом (в Пандектах), — явление, которое в русских рукописях хотя и наблюдается, но все же не часто. Оно свидетельствует о серьезной постановке дела переписывания и оформления рукописей в стенах Высоцкого монастыря.

Менее значительным представляется объем книгописания в Саввине-Сторожевском монастыре в Звенигороде. Правда, сохранилась только одна местная рукопись начала XV в. — Устав церковный, переписанный в 1428 г. «черньчищем» Давыдом (ГБЛ, ф. 256, Рум., № 445).¹⁰⁰ Прото-оригиналом для него послужила константинопольская рукопись Устава 1401 г. или же ближайшая к нему по времени какая-то копия. Саввине-Сторожевский Устав является старейшим сохранившимся списком с Устава 1401 г. К сожалению, как и вся масса рукописей монастырского происхождения, эта книга, сохраняя за собою исторический интерес, имеет весьма мало общего с искусством.

Итак, обзор монастырских рукописей середины XIV—начала XV в. приводит нас к выводу, что, за единичными исключениями, московские и подмосковные монастырские рукописные книги не имеют лицевых миниатюр. Очевидно, в большинстве монастырей не было не только живописных мастеров, но даже и отдельных художников, которые бы могли быть привлечены к делу украшения рукописей. Это касается, в частности, Чудова, Спасо-Андроникова и Троице-Сергиева монастырей. Художественное творчество монастырских писцов Москвы и Подмосковья выражалось главным образом в графике и орнаменте. Совершенство графики всегда ставилось в заслугу каллиграфам, ибо оно придавало рукописи строгий, ясный вид и облегчало читателям усвоение текста. Необходимой принадлежностью большинства рукописей был также орнамент, ибо традиция декоративного оформления рукописной книги составляла неотъемлемую часть средневековой письменной культуры в целом.

⁹⁹ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, № СССIII.

¹⁰⁰ Там же, № ССССXLV.

Уже после того как статья была сверстана, удалось установить, что упоминаемая на стр. 123 настоящей статьи рукопись — Златоструй 1406 г. — не погибла. Она хранится в БАН под шифром 33.16.15 (см. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Описание рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. 1 (2). Пгр. 1915, стр. 158—167). Ее оформление согласуется с нашей характеристикой московского монастырского книгописания.